"Мой отец был ублюдком", – такой была последняя мысль Корентайн, когда она падала с лестницы, получив несколько выстрелов в живот.

Девушке, которая едва переступила порог двадцатипятилетия, не хотелось умирать, вот совсем. Но когда в доме "друзья и коллеги" отца убивали всех мужчин и насиловали женщин, она выбрала смерть.

Корентайн была младшей дочерью Сесиля ле Бланкара, как она до недавнего времени считала, мирного, пусть и немного резкого, владельца нескольких ресторанов, а потому самой любимой и избалованной девочкой. Тем не менее она была не просто жемчужиной в ладонях отца, но и получила лучшее образование из всех детей Сесиля. Даже старшие братья не могли сравниться с ней, когда дело доходило до экономических или управленческих вопросов. Тем недовольное был отец, когда Корентайн, отказавшись поступать в экономический или управленческий университет, поступила в консерваторию по классу фортепиано. Тем не менее он скоро успокоился, смирившись и решив, что с умом дочурки после она всё наверстает.

Не сложилось. Едва закончив учёбу и вернувшись после гастролей с небольшой группой, которую Корентайн создала ещё в школе, девушка столкнулась дома с тем, что правильно было бы описать "ад".

Девушка удивлялась, что её никто не встретил в аэропорту, а когда никто из родных не ответил и на седьмой, и на пятнадцатый звонок, Корентайн просто рассвирепела. А потому в дом вошла, чуть ли не пинком открыв дверь.

Но вместо радостного приветствия, на которое она втайне рассчитывала, девушку ждали трупы братьев, отца, слуг мужского пола, обилие крови и крики женщин. И нет бы ей убежать! Так пришло же в голову пройтись глубже и посмотреть. Ну, сама напросилась. Когда двое бугаев, только оставивших в покое её старшую сестру, не забыв после этого свернуть той шею, встали и направились к ней, Корентайн выхватила из сумочки пистолет.

Кажется, она успела даже подстрелить одного из них, прежде чем второй стремительно схватился за свою пушку, всадив несколько пуль в живот девушки. Возможно, окажи ей кто медицинскую своевременную помощь прямо тогда, она бы и выжила, но Корентайн решила иначе. Не став сопротивляться импульсу от нескольких проникших в её тело снарядов, она позволила себе перевалиться через перила второго этажа и головой рухнуть вниз. Мгновенная боль, и блаженная темнота.

"Стоп! Я сказала "темнота"! Почему так светло? Аааа?"

– Уа! Уа! – пронзительный крик маленького ребёнка болью отдавался в голове.

"Откуда тут ребёнок?"

– Уа?!

"Нет, так думать невозможно, почему так плохо? Ах да… я ранена… наверное, это больница… тогда и дети вполне уместны".

Вот только тот факт, что её кто-то с завидной лёгкостью держал на руках и… обтирал… вызывал недоумение. Корентайн хотела спросить, что происходит, но вместо внятного вопроса раздалось:

– Уа?!

И девушка замолчала, потрясённо распахнув глаза, которые ни черта не видели, кроме ослепительно яркого и в то же время какого-то мутного света. Зато слух, после того, как детские крики прекратились, стал чётче.

– О, месье, стоило малышке увидеть Вас, и она сразу успокоилась! – в женском голосе слышались тонкие лесть и подобострастие.

– Жаль, что это вновь девочка… – вздохнул мужчина, но мягко погладил кончиком пальца по щеке Корентайн. Девушке это не понравилось, и она попыталась отмахнуться от руки того, кто представал перед её глазами пока лишь смутным образом. Но тело подвело вновь. Маленькая ручка ребёнка, а девушка была вынуждена признать, что тот ребёнок, чей крик так раздражал, это она сама, инстинктивно попыталась схватить палец мужчины.

– Ах! Месье, она уже понимает, что Вы – отец! Видите, как тянется к Вам! Уверяю Вас, более преданной и любящей дочери у Вас не будет!

"Интересно, кто эта дура?" – не смогла удержаться от ворчания маленькая Корентайн. Однако её бы никто не понял, даже если бы девочка попыталась спросить. А она не пыталась. Маленький мозг, переживший ад рождения, хотел спать. И Корентайн не стала сопротивляться, здраво понимая, что если это всё не сон, силы ещё понадобятся.

И она оказалась права.

Сном тут и не пахло. Когда девочка проснулась какое-то время спустя, то сумела услышать разговор служанок, которые шёпотом переговаривались недалеко от её люльки.

Если не брать во внимание тот факт, что больше всего их интересовали молодые садовники и конюхи, Корентайн сумела почерпнуть и несколько важных деталей. Например, что была она дочерью Антуана д'Эстре, ныне доверенного человека герцога Алансонского, коий не так давно назначил месье Антуана губернатором своего герцогства. И эти данные вызвали одновременно восторг и панику в маленьком сердечке Корентайн.

Восторг, потому что единственный Антуан д'Эстре, который подходил под эти параметры, жил в конце шестнадцатого века и был приближённым человеком короля Генриха Четвёртого,

ныне, вероятно, ещё даже не ставшего королём Наварры. И это был чуть ли не любимый исторический период Корентайн, который она очень хорошо знала, а потому не попала бы впросак. А паника…

Ну, если откинуть в сторону мысль о том, что она, девушка, привыкшая ко всем благам современной цивилизации оказалась в периоде Ренессанса, то у Антуана д'Эстре не было дочери, рождённой в этот отрезок времени, если, конечно, не верить той части историков, которые уверяли, что Габриэль д'Эстре родилась на три года раньше общепринятого 1573!

"Я же не могу быть Габриэль?! Верно? Нет, встретить и влюбить в себя Анри Наваррского, конечно, та ещё мечта, но…. Нет! Стоп, Кора! О чём ты вообще думаешь?!"

К счастью или к огорчению, вскоре Корентайн узнала, что зовут её вовсе не Габриэль, а, как и в прошлой жизни. И что в известной ей истории ни о какой девочке с таким именем известно не было.

Корентайн решила для себя, что раз и навсегда оставит мысли о том, как с ней произошло это чудесное перерождение и по какой причине, если только не наткнётся на прямые доказательства какой-либо версии.

И, раз уж мир изменился с самого её рождения…

"Значит… Я смогу выжать из этого максимум!"

Тот факт, что уже на второй день после рождения ребёнок радостно смеялся, заставил всех окружающих снова подивиться тому, какая замечательная дочка родилась у месье д'Эстре!

Правда, чем дальше, тем больше было удивление окружающих. Во-первых, ребёнок практически не плакал. Со временем няньки и родители научились чётко различать, чего именно хочет девочка, так как крики у неё были разные. Во-вторых, если няньки своевременно реагировали на определённый крик, то малышка не писалась. А вот если кто-то из них прохлопал это или проигнорировал, стоило этой нерадивый служанке остаться с ребёнком вновь, и малышка просто сходила с ума. Вскоре вокруг девочки собрались только ответственные нянечки, которые быстро реагировали на требования маленькой Корентайн.

Ещё одним удивлением стало для всех быстрое развитие девочки.

Она сама начала вставать и ходить. Тот факт, что малышка тренировала конечности, пока няньки спали, конечно, остальным был неизвестен, а потому это стало очередным восторгом семьи и прислуги.

Также Корентайн рано научилась говорить, а потом замучила родителей просьбами научить её читать и писать. Взрослая девушка в теле ребёнка не боялась проявлять свои "таланты". Во

Франции этих времён инквизиция не свирепствовала. Опасаться следовало борьбы гугенотов и католиков. Так что факт быстрого развития девочки вряд ли приписали бы демонам, тем более что она сама уговаривала родителей брать её в церковь. Где просто влюбила в себя пастора, который с радостью в свободное время приходил в дом д'Эстре, чтобы почитать ребёнку Библию и поучить латыни и другим языкам, в том числе испанскому и итальянскому. Хотя, конечно, это было позднее, и Корентайн скорее модернизировала свои знания, впитывая различия эпох, нежели училась заново.

Антуан д'Эстре всё чаще сетовал, что это девочка, а не мальчик.

– Такие таланты пропадают!

Но девочка, напуская на себя серьёзный вид, который заставлял господина д'Эстре лишь сильнее умиляться, отвечала:

– Папа́! Я Вас уверяю, что то, чего сумею добиться я, ни одному мальчишке и не снилось!

Антуан только смеялся, не подозревая, что дочь действительно говорит серьёзно.

Когда же наступило лето 1572 года, любимая дочь, впервые устроив скандал отцу, всё-таки сумела уговорить его взять её с собой на бракосочетание Генриха Наваррского и Маргариты Валуа.

Конечно, ребёнку двух с половиной лет совершенно нечего было делать в таком месте, но зная, что дочь может быть очень тихой и спокойной, отец согласился. Тем более что супруга была беременна, и беременность проходила достаточно тяжело.

Маленькая Корентайн, сидя на руках у телохранителя отца (сам месье д'Эстре не мог долго держать крепкую малышку на руках, не силач-с), во все глаза смотрела на церемонию бракосочетания. Ещё бы! То, о чём она только читала – историческое событие, ставшее началом настоящей трагедии – разыгрывалось прямо на её глазах!

Тем не менее полностью погрузиться в это девочка себе не позволила. Ей нужно было проверить, сможет ли она изменить некоторые исторические факты, или единственным, что пошло наперекосяк, это наличие у будущего маркиза лишней дочери?

Когда священник заканчивал свои слова, и супруги развернулись, чтобы получить поздравления собравшихся, а потом пошли по дорожке к экипажу, малышка попросила телохранителя отца спустить её с рук. Её послушная маленькая служанка, самое доверенное лицо Корентайн на данный момент, тут же вручила девочке заранее подготовленный букет и одинокий цветок, схватив которые, девочка побежала.

Ни отец, ни слуги, не ожидали такого шага от ребёнка, потому не сумели среагировать

своевременно, а стражники, повинуясь жесту короля Франции, присутствующего на церемонии, не стали останавливать малышку. Молодожёны удивлённо уставились на маленькую девочку в нарядном платьице, довольно ловко бегущую к ним навстречу. Вот только маленькое тело в неудобной обувке всё-таки подвело.

http://erolate.com/book/3457/83417